

ПРЕЖДЕ ВСЕГО хотелось бы напомнить почитателям творчества замечательной советской поэтессы Анны Ахматовой, что родилась она 23 июня 1889 года на берегу Черного моря, под Одессой, в семье инженера-капитана второго ранга Андрея Антоновича Горенко. Ахматова — литературный псевдоним поэтессы, это — фамилия прабабушки по материнской линии.

В автобиографии «Коротко о себе» Анна Ахматова писала о годах детства и юности: «Каждое лето я проводила под Севастополем, на берегу Стрелецкой бухты, и там подружилась с морем. Самые сильные впечатления этих лет — дроздин Херсонес, около которого мы жили». И несколько ниже: «В 1905 году мои родители расстались, и мама с детьми уехала на юг. Мы целый год прожили в Евпатории, где я дома проходила курс предпоследнего класса гимназии, то-сковала по Царскому Селу и писала великое множество беспомощных стихов».

К сожалению, о юношеских стихотворениях Ани Горенко почти ничего не известно. Очевидно, они пропали вместе с «Киевской тетрадью». Здесь, думается, уместно отметить, что детей было пятеро: Андрей, Ия, Инна, Анна и Виктор.

Вспоминая об этом периоде жизни в «Мнимой биографии», Анна Ахматова указывала: «Царское было зимой, Крым (дача Тура) — летом...» Дача Н. И. Тура «Новый Херсонес» — так в начале XX века называлось имение, расположенное в районе Стрелецкой бухты Севастополя, — называли Туровкой, а с 1938 года переименовали в поселок имени Г. Н. Вакуленчука в честь члена РСДРП, погибшего во время восстания на броненосце «Потемкин» в июне 1905 г.

По впечатлениям севастопольской и евпаторийской юности Анна Ахматова в 1914 году написала свою первую поэму «У самого моря». Большая часть ее создана в Слепневе, под Бежецком, где Анна Ахматова жила каждое лето с 1911 по 1917 гг. в доме свекрови. Романтическая поэма исполнена светлыми воспоминаниями о несостоявшейся первой любви девочки-подростка, о ласковом южном море и его живописных берегах, о добрых и душевно щедрых простых людях-рыбаках и древней истории Крыма. Это поэма — благодарности земле, научившей А. Ахматову поэзии, разлитую в каждом земном мгновении.

Поэме по времени предшествовали несколько стихотворений, также навеянных пребыванием А. Ахматовой в Крыму: «Мне больше ног моих не надо...», «Рыбак», «Сладок запах синих виноградин...», «Похороны», «Видю выцветший флаг над таможенной...»

Все смотреть бы на смуглые главы
Херсонесского храма
И не знать, что от счастья
Безнадежно дряхлеют сердца.

К этому циклу примыкает и стихотворение «Чернеет дорога приморского сада...» Интересна его судьба. Несколько изменив текст и написав к нему музыку, до глубокой старости исполнял его с эстрады лауреат Государственной премии, известный певец Алек-

сандр Вертинский. Она записана на диске Всесоюзной фирмой «Мелодия».

Осень 1916 года Анна Ахматова провела в Бельбеке, под Севастополем, на даче художника, поэта, критика Б. В. Анрепа и его жены Юнии Павловны. И снова появился цикл крымских стихов, куда вошли «Когда в мрачнейшей из столби...», «Все отнято: и сила, и любовь...», «Все обещало мне его...», «Вновь подарен мне дремотой», «По неделе ни слова ни с кем не скажу»...

Поражает лаконизмом и философской глубиной миниатюра, написанная зимой 1916 года в Севастополе, «О, есть неповторимые слова...»

И наконец, стихотворение, посвященное хозяйке дачи — Юнии Павловне Анреп — «Судьба ли так моя переменилась...» В нем звучат тревожные предчувствия каких-то грядущих изменений... Нужно заметить, что Анну Ахматову и Бориса Васильеви-

Десять лет и год твой
подруга
Не слыхала, как поет гроза.
Десять лет и год святого
юга
Не видали грешные глаза,

Следующее стихотворение «Если плещется лунная жуть...» имеет, думается, определенное отношение и к Ялте. Датировано оно 1 октября 1928 года.

Если плещется лунная жуть,
Город весь в ядовитом
растворе.
Без малейшей надежды
уснуть
Вижу я сквозь зеленую
муть
И не детство мое, и не
море,
И не бабочек брачный полет
Над грядой белоснежных
нарциссов
В тот какой-то
шестнадцатый год...
Застывший навек хоровод
Надмогильных твоих
кипарисов.

НАШИ ПУБЛИКАЦИИ

И ВОТ УЖЕ КРЫМА ТЕМНЕЕТ ГРЯДА...

ча Анрепа связывали глубокие дружеские и творческие отношения, о чем свидетельствует большое количество посвященных ему среди стихотворного наследия поэтессы. Только в книге «Белая стая» и «Подорожник» их насчитывается более тридцати. По-видимому, и стихотворения, связанные с темой эмиграции «Мне голос был. Он звал утешно...», «Всем обещаю вопреки...» и «Прав, что не взял меня с собой...», адресованы также Борису Анрепу.

Любопытное упоминание в связи с этим имеется в автобиографическом повествовании Андрея Вознесенского «О», где он упоминает о том, что профильная тень Ахматовой навеки осталась на мозаичном полу вестибюля Лондонской национальной галереи. Мозаика эта выполнена в сдержанной коричневой гамме Борисом Анрепом, инженером русского происхождения. Еще в бытность в России они обменивались с Ахматовой кольцами из черного камня. Анреп носил это кольцо на груди, подвешенным на цепочке — маленькое черное «о» колечка». Это еще одно свидетельство о том, что в обширной иконографии Анны Ахматовой оставил свой заметный след и Б. Анреп.

Стихотворение, датированное 1918 годом и написанное в Петрограде «Для того ли тебя носила...», также связано с Севастополем и навеяно трагическими событиями на Малаховом кургане в период гражданской войны.

А в стихотворении «Кавказское», хотя и написанном в Кисловодске в 1927 году, тоже отзвук крымских впечатлений. В нем упоминается об одиннадцати годах, которые разделяют эту поездку на юг от времени последнего пребывания в Крыму, в конце 1916 года у Анрепов:

Первые восемь строк имеют, казалось бы, отношение к событиям 1916 года в Севастополе, но белоснежных нарциссов осенью не бывает. Может быть, речь идет о каком-то важном этапе отношений с кем-то из царскоселов, произошедшем весной 1916 года? Можно полагать, однако, с большей или меньшей степенью вероятности, что последние две строки стихотворения как-то связаны со смертью Николая Владимировича Недоброва (1884—1919), друга и интерпретатора творчества ранней Ахматовой, автора первой большой статьи о ее поэзии, написанной им в 1914 году и опубликованной лишь в седьмой книжке журнала «Русская мысль» за 1915 год. В связи с этим обращаю внимание читателей, что Сергей Бернадский в своей работе «Здесь встретилась с музой...» (А. А. Ахматова в Крыму), включенной в книгу «Крымские каникулы» — Симферополь, Таврия, 1981, с. 283), ошибочно указывает 1916 год как время выхода в свет этой статьи. Н. В. Недоброву Анна Ахматова посвятила несколько стихотворений и «царскосельское лирическое отступление» в «Поэме без героя». Недоброво скончался от туберкулеза в декабре 1919 года в Ялте, где находился на лечении. Насколько известно, могила его не найдена до сих пор.

Имеется указание на то, что в 20-е годы Анна Ахматова бывала в Судаке (А. И. Полканов, Ю. А. Полканов, «Судак Путеводитель». — Симферополь: Таврия, 1981, с. 63). Однако, в доступной научной литературе нам не удалось найти подтверждения этого события. Правда, осенью 1923 года Анна Ахматова действительно собиралась приехать на отдых в Восточный Крым — в Кокте-

бель, по приглашению Максимилиана Волошина, но какие-то обстоятельства помешали этому.

Последний раз Анна Ахматова была в Крыму, в Гаспре, в санатории на лечении осенью 1929 года. О подробностях этого пребывания на Южном берегу Крыма печатных свидетельств крайне мало.

Но крымская тема в поэзии зазвучала еще раз. В 1940 году Ахматова пишет поэму-воспоминание «Путем всей земли»:

Окопы, окопы —
Заблудишься тут!
От старой Европы
Остался лоскут,
Где в облаке дыма
Горят города...
И вот уже Крым
Темнеет гряда...

В 50—60-е годы Анна Ахматова готовила книгу мемуарно-автобиографического характера «Мои полвека». Рукописные материалы, связанные с этой работой, находятся в Рукописном отделе Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде и в Центральном государственном архиве литературы и искусства в Москве.

О том, какое значение в жизни и творчестве А. Ахматовой имел крымский период, говорят «Листки из дневника», обнародованные Л. А. Мандрыкиной в 1973 году. Сохранились наброски двух вариантов плана будущей книги. В первом варианте под № 3 «О лирике. Город, Царское Село, Севастополь, Слепнево» Л. А. Мандрыкина отмечает, что в «Листках из дневника» записаны очень разнообразные по форме и содержанию. Есть небольшие, почти законченные биографические этюды о детстве и юности поэтессы, ее жизни под Одессой и Севастополем (например, «Дикая девочка»). Среди памятных записок для книги есть и о Крым 1905—1910 гг. — Евпатория — Киев — Севастополь — Киев.

По материалам архива Анны Ахматовой опубликовано исследование о записных книжках поэтессы. Из публикации видно, что связям с Крымом также отведено известное место в одном из вариантов плана книги «Мои полвека»: «Часть 1, гл. 2-я — «Мнимая биография». Евпатория, Севастополь, гл. 4-я — Севастополь».

К сожалению, этим планам не суждено было осуществиться — помешала смерть поэтессы, наступившая 5 марта 1966 года.

Тема «Анна Ахматова и Крым» не может считаться полностью разработанной. С одной стороны, еще не весь ее архив поступил в государственные хранилища, с другой — часть материалов, которые находятся в архивах, еще нуждаются в изучении.

Однако творческое наследие Анны Ахматовой свидетельствует о тесной связи ее с крымской землей, о том большом влиянии, которое оказали на ее поэзию годы пребывания в Крыму, общение с его природой, Черным морем, историей и людьми.

М. БАЖЕНОВ,
член общественного совета музея Анны Ахматовой в г. Пушкине.